

М.Г. Качурин

Представитель народной войны

В отличие от исторических деятелей типа Наполеона и Александра, думающих о славе, о власти, Кутузов в изображении Толстого не только способен понять простого человека, он сам по натуре простой человек.

Сопоставим две сцены. В Москву приезжает царь, дабы своим присутствием воодушевить москвичей, вдохновить их на патриотические подвиги (на самом деле под этим предлогом умные люди поспешили удалить царя из армии, чтобы он там не мешал). Толпы москвичей — купчихи, дьячки, продавцы кваса, чиновники, мещане, дворяне, крепостные девушки — обезумев, давя друг друга, приветствуют царя. Чувство стадного восторга, бессмысленного и дикого, которое овладело толпой, передалось и Пете Ростову. Чтобы увидеть «царя-батюшку», он «поднимался на цыпочки, толкался, щипался», «сам себя не помня, стиснул зубы и, зверски выкатив глаза, бросился вперед... как будто он готов был и себя и всех убить в эту минуту, но с боков его лезли точно такие же зверские лица с такими же криками “ура!”».

Энтузиазм толпы не производит на нас впечатления близости, единения царя с народом. В этой сцене проявляется скорее глуповское начальстволюбие. Именно поэтому мы видим не просветленные, не радостные, а зверские лица.

Отвратительна фигура царя, который бросает с балкона обезумевшей толпе бисквиты, спокойно смотрит на свалку, на свой «добрый народ» и не понимает, какая непреодолимая пропасть отделяет его от этой восторженной толпы.

Вспомним другую встречу. В морозный, ясный день, после Красненского сражения, Кутузов проезжает среди войск. Внимание его привлекают два пленных француза, разрывающие руками сырое мясо. «Кутузов долго, внимательно поглядел на этих двух солдат; еще более сморщившись, он прищурил глаза и раздумчиво покачал головой. В другом месте он заметил русского солдата, который, смеясь и трепля по плечу француза, что-то ласковое говорил ему. Кутузов опять с тем же выражением покачал головой». Вид этих людей подтверждает его мысли об историческом значении происходящего: победа заключается не только в том, что враг окончательно разгромлен, но и в том, что русский солдат устоял в смертельной схватке, сохранив свою добрую душу. Русские солдаты, народ — вот кто интересуется Кутузова. Поэтому он даже не понимает, зачем ему указывают на французские знамена, якобы являющиеся главным признаком победы.

В речи своей, обращенной к преображенцам, Кутузов говорит именно о нравственном значении совершившегося. И говорит он то, что чувствует все: «Сердечный смысл этой речи не только был понят, но то самое чувство величественного торжества в соединении с жалостью к врагам и сознанием своей правоты, выраженное именно этим стариковским, добродушным ругательством, — это самое чувство лежало в душе каждого солдата и выразилось радостным, долго не умолкавшим криком». Восторженные крики солдат здесь, в этой сцене, совсем не то, что крики толпы, ловившей царские бисквиты. Перед солдатами — полководец, в котором воплотились дух войска и воля народа.

В облике Кутузова Толстой прежде всего отмечает его простоту, обыкновенные черты старого человека, «дедушки», как его называет крестьянская девочка Малаша. Ничего от повелителя народов нет в этом полном, рыхлом старике, в его сутулой фигуре, в его ныряющей тяжелой походке. Но сколько в нем доброты, простодушия и мудрости! Вспомним его, когда он говорит с солдатами: «Лицо его становилось все светлее и светлее от старческой кроткой улыбки, звездами морщившейся в углах губ и глаз». Такова же речь Кутузова, понятная и близкая каждому. «Перестал говорить главнокомандующий, —

замечает Толстой, – а заговорил простой, старый человек, очевидно, что-то самое нужное желавший сообщить теперь своим товарищам». «Человек», «товарищи» — вот слова, определяющие характер взаимоотношений Кутузова и солдат.

Для Толстого Кутузов — идеал исторического деятеля и идеал человека. «Трудно вообразить себе цель, более достойную и более совпадающую с волею всего народа», — пишет Толстой о той цели, достижению которой посвятил себя Кутузов. Противопоставляя его Наполеону, писатель замечает: «...он вообще ничего не говорил о себе, не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком и говорил самые простые и обыкновенные вещи». Вся его деятельность была направлена не на возвеличение, а на то, чтобы победить и изгнать врага из России, «облегчая, насколько можно, бедствия народа и войска».

Писатель спрашивает: как мог этот старый человек «угадать так верно значение народного смысла событий, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему?» — и отвечает: «Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его. Только признание в нем этого чувства заставило народ такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать, против воли царя, в представители народной войны».

В размышлениях о деятельности замечательного полководца отразились противоречия, свойственные мировоззрению писателя. И Толстой отрицает военную науку, возможность предвидеть ход сражения и руководить им по правилам науки. Эта точка зрения полемически заострена против идей бонапартизма, против культа сильной личности. Писатель утверждает: «...воля исторического героя не только не руководит действиями масс, но сама постоянно руководима». Мудрость Кутузова, по мнению Толстого, в том, что он понимает самую суть: «...решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

Может показаться, что Толстой изображает Кутузова не деятелем, а лишь пассивным созерцателем событий. Вот что думает о фельдмаршале князь Андрей: «У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет... но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит». Но даже в этих словах Болконского — невольное признание активной роли Кутузова. Князь Андрей считает, что Кутузов «умеет отречься от участия в... событиях», но если он «все поставит на свое место», если он «не помешает», «не позволит», значит, он не пассивный созерцатель, он действует.

Именно таким мудрым деятелем, а не созерцателем рисует писатель Кутузова на Бородинском поле. Сидя на покрытой ковром лавке, с понуренной седой головой, Кутузов сосредоточен, спокоен, и лицо его отражает внутреннее напряжение. Главная его забота — о духе войска, который он и стремится всеми силами поддерживать.